

КАМЕРТОН ПАМЯТИ

Помни

Дети
судили

Помни

Помни

Крути
судили

АЛИНДА ИВЛЕВА

Алинда Ивлева

Камертон памяти

<https://litres.ru/74279732>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннета Клэр - генеалог, получает новое дело: необходимо отыскать родственников умершего старика, живущего последние 30 лет затворником. После себя он оставил лишь дом с протекающей крышей, несколько разобранных на запчасти старинных пианино и тетрадь с записями, в которой не хватало несколько страниц. Аннета берется за сложное расследование, ведь на кладбище старика она находит клавишу со своим именем.

Содержание

Глава 1. Фекан	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алинда Ивлева

Камертон памяти

Глава 1. Фекан

Море в Фекане никогда не бывает синим. Если кто-то скажет вам обратное, значит, он приезжал сюда в июле, пробыв часа три, съел галету с солёным маслом в кафе у порта и поспешил к поезду на Париж.

Воды Ла-Манша цвета старого, потемневшего от сырости цинка. Иногда, когда ветер с севера разгонял тяжёлую взвесь облаков, залив приобретал оттенок брюшка дохлой сельди — тусклый, серебристо-серый, с едва заметными зеленоватыми бликами.

Аннета остановила машину на самом краю обрыва, там, где асфальт переходил в разбитую грунтовку, поросшую жёстким, просоленным дроком. Щётки старого «Пежо» с натужным визгом размазывали по лобовому стеклу мелкую водяную пыль. Местные называют её *crachin* — липкая морось. Она висела в воздухе, забиваясь под воротник, пропитывая пальто и оседая на ресницах солёными каплями.

Она выключила зажигание. Мотор несколько раз дёрнулся и затих. Сразу донёсся голос Ла-Манша. Внизу, метрах в пятидесяти, море с тяжёлыми всхлипами ворожало миллиарды

серых кремней, ш-ш-р-р-р-х-х, Этот шорох гальки въедался в уши каждому, кто родился в Фекане, оставаясь внутри навсегда, даже если человек переезжал в засушливую часть Африки.

Аннета с сочувствием посмотрела на свои пальцы, лежащие на руле, на коротко остриженные ногти без маникюра. Лак наносила в последний раз года три назад. На среднем пальце правой руки — застарелая мозоль от архивных папок и перьевой ручки — результат того, что проживая тысячи чужих забыла напрочь о своей. Но Аннета ни о чем не жалела, Генеалоги искали и будут искать сотни лет после корни тех, кто хотел казаться благороднее, богаче или значимее, чем они есть.

И Аннете нравилась работа, к тому же хорошо платили за то, чтобы она копалась в прахе.

В этот раз заказ пришёл от нотариальной конторы «Дюпон и сыновья». Перед поездкой изучила скан казённого письма на гербовой бумаге: «Уважаемая мадемуазель Клэр! В связи с кончиной господина Жана-Люка Шавеля и отсутствием прямых наследников первой очереди, просим вас провести архивное расследование с целью установления...»

Жан-Люк Шавель. Настройщик пианино. Местный сумасшедший, который последние тридцать лет жил в полуразрушенном доме на окраине, у самого устья реки Валонь, впадающей в гавань.

Аннета вышла из машины. Ветер тут же ударил в грудь,

пахнуло гниющими водорослями, дизельным топливом из порта и запахом тресковой муки, въевшегося в кирпичные стены Фекана ещё со времён, когда отсюда уходили шхуны на Ньюфаундленд. Она накинула капюшон жёлтого непромокаемого плаща — здесь все носили такие, делая людей похожими на канареек, выброшенных на берег штормом, — и спустилась на улочку города.

Дом Жана-Люка стоял на отшибе, зажатый между глухой стеной заброшенного рыбного склада и меловым склоном, каждую зиму понемногу осыпающегося, хороня под собой сараи и огороды.

Аннета подошла к калитке, едва дотронулась до разъеденного временем железа, как та пронзительно заскрипела, и этот звук показался слишком громким, почти неприличным в сонной тишине заброшенной окраины. Она поморщилась и прошла в небольшой дворик.

На пороге дома уже ждала мадам Жервез, соседка, с ней Аннета общалась накануне, сидела на перекошенном пластиковом стуле под козырьком крыльца, пряча руки в рукава заношенного флисового жакета. Рядом стояло ведро с плавающей грязной тряпкой, Аннета поморщилась, ветошь в мутной воде напомнила дохлую медузу. Даже вздрогнула, с детства ненавидела этих тварей.

Мадам Жервез не двигалась, будто старая цапля, застывшая на мелководье в ожидании отлива. Ее лицо, изрезанное

глубокими, словно трещины в меловых скалах, морщинами, было абсолютно непроницаемым. У всех, кто всю жизнь прожил у большой воды такие застывшие лица-маски: море вымывает из людей лишнюю мимику.

— Вы из конторы? — спросила она скрипучим, прокуреным дешёвым «Житаном» голосом.

— Аннета Клэр, — она протянула руку, но мадам Жервез лишь скользнула по её пальцам равнодушным взглядом и спрятала ладони глубже в рукава. — Я занимаюсь наследственным делом господина Шавеля. Нотариус Дюпон передал мне ключи, сказал, что вы присматривали за домом последние недели.

— Присматривала, — старуха сплюнула в сторону кустов ежевики. — Сидела тут, чтобы мальчишки не побили стёкла. Жан-Люк терпеть не мог шума. — Резко сменила тему мадам, — когда они орали под окнами, он часами лупил, бам-бам-бам, по клавишам. — Она поднялась с хрустом в суставах. — Мадемуазель, этот дом проклят, — понизив голос, сообщила мадам.

— В каком смысле? — насторожилась Аннета, хотя за свою долгую практику наслушалась страшилок.

— Не-е-т, не в том смысле, что здесь бродят призраки, о-о, я слишком стара, чтобы верить в сказки. Это для туристов, — она подмигнула гостье. — Он проклят тишиной. Жан-Люк унес ее, мир его праху. Внутрь я с тех пор и не заходила. Она сделала шаг в сторону, освобождая проход к тяжё-

лой дубовой двери, потемневшей от соленых штормов. Аннета достала из кармана тяжелый латунный ключ с биркой из плотного картона, подписанной от руки «14». В замочной скважине ключ провернулся со скрежетом, словно сопротивляясь чужаку. Аннета поежилась от пронизывающего ощущения сырости и спертости запаха старости, лежалых газет и пчелиного воска. Этот запах она знала слишком хорошо — так пахнет одиночество, у которого не осталось наследников. Когда человек умирал, его вещи первыми сдавали позиции. Пыль оседала ровным, серым бархатом на поверхности, стирая границы между дорогим фарфором и грошовыми сувенирами.

Она оказалась в узком коридоре. Обои в блеклый цветочек — когда-то, возможно, розовый, — местами отошли от сырости и свернулись в трубочки. Аннета сделала шаг вперёд. Пол под её ногами противно закричал.

Справа гостиная... Или мастерская? От соседки узнала, что повредив ногу в юности, Жан-Люк Шавель редко выходил наружу, превратив дом в ковчег для раненых инструментов. Повсюду стояли пианино — не меньше пяти. Безмолвные, со снятыми верхними панелями, обнажали внутренности — ряды молоточков, обтянутых серым войлоком, медные струны, похожие на обнажённые нервы, колки, покрытые тонким слоем ржавчины. Комната выглядела как анатомичка, где препарировали музыку.

На круглом столе посреди комнаты лежала раскрытая тет-

радь в бордовом коленкоровом переплёте. Рядом — жестяная банка из-под табака, в которой вместо сигарет лежали медные винты, лоскуты сукна и старая деревянная щётка с жёсткой щетиной.

Аннета не торопилась прикасаться к вещам, ей необходимо сначала соприкоснуться с пространством, почувствовать ауру. Люди оставляли следы только на вещах, которыми пользовались каждый день. На подлокотнике старого вольтеровского кресла обивка протёрта до дыр — значит, Жан-Люк сидел тут, положив левую руку на подлокотник, и смотрел в окно. А за окном — только грязная стена рыбного склада и узкая полоска Ла-Манша в раме. Да, картина — так себе.

Она провела пальцем по клавишам ближайшего инструмента, дряхлого «Плейеля» конца девятнадцатого века, благородного, но уставшего. Клавиши из слоновой кости пожелтели и потрескались. Аннета мягко нажала на фа-диез первой октавы. Звук вышел глухим, дребезжащим, с долгим, болезненным эхом, ей почудилось, что пианино кашляет пылью.

— Он не любил эту ноту, — раздался от двери скрипучий голос мадам Жервез. Соседка стояла на пороге, прислонившись к косяку, и наблюдала за Аннетой взглядом злым, но любопытным.

— Почему? — спросила Аннета, не оборачиваясь.

— Говорил, что фа-диез воняет гарью. Сумасшедший, что с него взять, ха-ха, настройщик, который ненавидел идеаль-

ный строй. Он говорил, что идеальный строй — враки для тех, у кого нет сердца. Жизнь фальшивит, мадемуазель Клэр, и музыка должна фальшивить, так он говорил.

Старуха прошуршала фетровыми тапками по пыльному паркету в комнату.

— Зря приехали, мадемуазель! — старуха скривила губы. — Не найдете вы никаких родственников, один он как перст, как сюда пешком, аж из Дьеппа, хромой притопал с одним фанерным чемоданчиком. Э-э, в сорок шестом, если не изменяет память. Так вот, местные сначала косились на него, время было такое, сами понимаете, послевоенное — не до реверансов. — Аннета кивнула для приличия, откуда ей, родившейся гораздо позже окончания войны, было понять. — Все друг друга подозревали: кто с кем спал при немцах, а этот рыбу продавал втридорога, тот вон доносы писал, а кто и прислуживал полицаем. А Жан-Люк-то все один, а еще оказался не из болтливых, настраивал пианины за миску рыбной ухи и краюху лепешки, потом обжился, сплетен избегал, да и не мешал жить людям добрым.

— У него совсем никого не было? Ни женщин, ни друзей? Мадам Жервез горько усмехнулась.

— Женщины любят тех, кто умеет развешивать на уши комплименты или приносить домой деньги. А Жан-Люк не делал ни того, ни другого, а болтал только со своими роялями. Э-э, хотя припоминаю, была, одна... Элен, кажется, — мадам Жервез неожиданно сплюнула прямо на паркет, и рас-

шитым тапочком растерла. — Жила на ферме за городом. Красивая, эх, и гордячка. Помню, в синем моднющем пальто ходила, а другие пигалицы ей завидовали, говорят, отец-портной сшил его из старой шинели какого-то офицера. Все в неё плевали, а Жан-Люк... все пялился на нее, да вздыхал.

— И как ее найти?

— Никак, исчезла она, — мадам напряглась, плечи приподнялись, отчего напонила тряпичное чучело в панаме. — Э-э, вроде бы спустя год как объявился Жан-Люк. Люди болтали, не вышла утром на работу и всё. Отец искал её в гавани, думал, утопилась, но тело так и не нашли. Знаете, море всегда возвращает, что забрало, мадемуазель Клэр. Если тело не всплыло — значит, сбежала. Или... упаси. Боже, — старуха перекрестилась, отводя взгляд.

Повисла пауза, слышно было лишь сипящее дыхание мадам Жервез и грохот прибоя за окном в унисон с ором чашек. Аннета повернулась к столу, открыла серую тетрадь, полистала, — обычный дневник настройщика. Аккуратные, почти каллиграфические записи чернильной ручкой: даты, имена, названия инструментов, адреса ферм и городских квартир.

«12.03. 52 г. Мадам Легран. „Гаво“. Замена трех струн в басовом регистре. Чертова сырость в гостиной убивает деку». «18 мая 55 г. Аббатство Бенедикт-ев. На органе пыль забивает пиццали, нужно бы сделать полную очистку».

Аннета, бегло просматривая страницы, думала, что пять-

десять лет — это целая жизнь Фекана, будто в ее руках медкарта болезней, только пациентами были не люди, — она чихнула, помотала головой, и когда снова пролистнула тетрадь, взгляд привлекла странность: в самом начале, на форзаце, несколько страниц аккуратно срезаны, очень похоже, что бритвой. Остались лишь узкие полоски бумаги, у самого корешка смогла разобрать кусочек даты: «...ября 44 г», чуть ниже написано уже другим почерком — торопливым, с заостренными буквами: «...не покидай меня». Рядом нарисованы три ноты, и три жирные расплывшиеся точки. Аннета присмотрелась, мысленно поблагодарив маман за привитую любовь к игре на фортепиано.

— До. Ми. Соль, — произнесла она вслух. — Ха, самое простое, базовое звучание, с него начинают изучать сольфеджио.

— Мадам Жервез, — тихо позвала Аннета. — Вы сказали, Жан-Люк пришёл сюда в сорок шестом, но эта запись датирована сорок четвёртым. И сделана она здесь, в Фекане. — Аннета указала на едва различимый фиолетовый штампик — размером с кошачий коготь. Круглый, расплывшийся от сырости оттиск: «Papeterie Vanse, Fécamp», а «Банс» — старейшая типография и бумажная лавка в Фекане, работающая с XIX века. В сорок четвёртом бумагу в Нормандии выдавали по карточкам строго по месту регистрации, поэтому Жан-Люк не мог купить этот блокнот ни в Руане, ни в Париже. Только там, у порта.

Старуха медленно подошла к столу. Её подбородок мелко задрожал. Она напялила очки, болтавшиеся на резинке, взгляделась во фрагменты страниц, и на лице мадам Жервез застыло выражение, которое Аннете не понравилось — то ли испуг, ведь вспоминать военные годы человеку, пережившему оккупацию нелегко. То ли что-то еще?

— Ничего об этом не знаю, — поспешно сказала она. — Я тогда девчонкой совсем была. Мы жили на другой стороне порта. Отец работал на верфи у немцев, мы не совались в дела тех, кто жил у скал.

— Но вы ведь помните Жан-Люка до сорок шестого? — Аннета приблизилась к ней, миролюбиво улыбнувшись, её голос стал мягким, обволакивающим — профессиональный приём, когда нужно ослабить защиту интервьюируемого. — Он ведь был здесь во время войны?

— Все были здесь, мадемуазель, — отрезала мадам Жервез и отступила назад, к выходу. — Те, кто выжил. А те, кто не выжил, лежат на кладбище за церковью Святого Этьена или на дне Ла-Манша. Спросите у моря, оно здесь дольше всех живёт.

Она развернулась и почти бегом, насколько позволяли её старые колени, выскочила из дома. Дверь за ней захлопнулась, пустив по комнате волну холодного сквозняка. Аннета осталась одна. Сквозняк качнул люстру с пыльными стеклянными подвесками, и они зазвенели, будто разбивающиеся хрустальные бокалы. Снова посмотрела на фрагменты

страниц. Кому принадлежал этот торопливый, острый почерк? Писал явно не Жан-Люк с его округлыми, уверенными буквами.

Аннета присела на корточки перед старым «Плейелем». Запах пыли стал гуще, она чихнула и, потерев нос, заглянула под клавиатуру, туда, где крепились педали. Там, в самом тёмном углу корпуса, прикреплённый к деревянной панели обычным канцелярским скотчем, превратившимся от времени в хрупкую жёлтую корку, лежал конверт из плотной обёрточной бумаги.

У Аннеты перехватило дыхание. Вот ради чего она когда-то ушла из практической психологии в генеалогию. Ради этого момента, когда мёртвые с того света передают привет, протягивая руку через пропасть лет, а рукопожатие оказывается на удивление тёплым. Осторожно потянула за край бумажного пакета. Скотч с сухим шелестом отвалился, рассыпавшись мелкой жёлтой пудрой на её колени. На конверте без адреса только имя, написанное тем же почерком, острыми, угловатыми буквами и в точности такого же цвета чернилами, которые она только что видела на обрывке страницы: «Анри».

Внутри конверта обнаружила черно-белую фотографию, пострадавшую от сырости: края пошли коричневыми пятнами, но изображение в центре сохранилось неплохо. На фоне белых феканских скал стоял молодой мужчина в форме вермахта без фуражки. Ветер растрепал его светлые волосы.

Он улыбался — открыто, по-детски, засунув руки в карманы галифе. Рядом с ним сидел тощий сеттер. Мужчина не был похож на завоевателя мира, не то что Франции, сдавшейся без боя, и больше напоминал мальчишку, которого нарядили в суконный мундир и для роли в театральной постановке.

Аннета перевернула снимок. На обороте карандашом, еле разборчиво: «Fécamp, Octobre 1943. К.». Она отложила снимок и заглянула в пакет. На дне притаилась маленькая плоская коробочка из вишнёвого дерева. На крышке — полустёртая инкрустация в виде крошечной скрипки.

Аннета осторожно открыла её. На красном, чудом сохранившемся бархате дожидался её металлический камертон. Он потемнел, покрылся благородной патиной, на его ножке выгравировано клеймо мастера: «A. Meinel. Klingenthal. 1938». Немец, догадалась Аннета.

Она взяла камертон двумя пальцами и сразу же почувствовала лед металла, почти обжигающий. Аннета ударила камертоном по колену и поднесла его к уху: чистый, протяжный звук наполнил затхлую комнату, вибрируя в пальцах, поднимался к потолку и отражался от корпусов умерших пианино.

Нота Ля, 440 герц.

Стандарт, по которому настраивают инструменты, чтобы гармонично звучали вместе. Но в этой пустой, провонявшей солью безжизненной комнате, звук камертона звучал криком о помощи человека, который слишком долго молчал.

Аннета закрыла глаза. Ей показалось, что сквозь гул Ла-Манша за окном она слышит, как кто-то прикасается к клавишам в соседней, несуществующей комнате, медленно, неуверенно.

До. Ми. Соль.

Открыв глаза, обнаружила, что за окном стремительно темнело. Морось превратилась в ширму ливня, вода стекала с силой по стёклам, словно пытаясь прорваться внутрь, смыть, стереть этот дом, все пианино и её саму.

Аннета аккуратно положила в футлярчик камертон и спрятала с пакетом в сумку. Её расследование только что перестало быть сухой юридической процедурой. В деле настройщика пианино Жана-Люка Шавеля появился третий лишний.

Немецкий солдат по имени Анри, который оставил свой голос в теле старого французского инструмента.

Дорога к кладбищу Святого Этьена вела через весь город. Фекан засыпал рано. В седьмом часу вечера улицы уже опустели. Редкие фонари раскачивались на ветру, скрипя и отбрасывая на мокрый асфальт длинные, причудливые тени. Дома из серого кремня и тёмного кирпича прижимались друг к другу, словно пытались согреться, плотно закрыв уставшие глаза-окна деревянными ставнями. Местные не любили показывать свою жизнь чужакам. Она представила, как за дверьми с массивными засовами сидели феканцы

на кухонке, распивая дешёвый сидр, чистили рыбу, смотрели телевизор и молчали о том, о чем во Франции не принято говорить вслух даже спустя восемьдесят лет после того, как ушёл последний немецкий солдат.

Кладбище ютилось на самом высоком холме, за старой романской церковью. Аннета припарковала машину у железных ворот. Дождь барабанил по крыше «Пежо» с яростью пулемёта. Она достала фонарик из бардачка, глубоко вздохнула и вышла в шторм, проклиная своё любопытство.

Запахнув до упора молнию на канареечной непромокаемой куртке, включила фонарик на телефоне и осмотрела могилы. Удивилась — кругом массивные гранитные плиты, догадалась сразу же — камни не давали покойникам выскользнуть в море во время зимних оползней. Многие надгробия украшали фарфоровые венки с блеклыми розами и фотографии под толстым стеклом, потемневшие от сырости. Она направилась в глубь, сделав несколько шагов, оторопела — дождь точно кто-то выключил там, наверху.

Она продолжила поиск в лучшем настроении — нужно найти свежую могилу. Жана-Люка Шавеля похоронили три недели назад за счёт коммуны без прощаний и речей. Только священник, могильщик и, возможно, мадам Жервез, она ни за что не пропустила бы это действие, чтобы убедиться — какофонии из соседского дома больше не услышит.

Аннета нашла его захоронение в самом дальнем углу, у северной стены, за которой начинался обрыв. Грубо выте-

санный деревянный крест с пластиковой табличкой: «Жан-Люк Шавель. 1921 – 2024». Быстро сосчитав в уме, даже присвистнула.

— Ого! Сто три года, да он прожил больше века. И видел конец прекрасной эпохи... а потом война, оккупация, восстановление страны, появление интернета, который так и не вошёл в его дом. Забавно, конечно, провёл жизнь, настраивая инструменты для тех, кто танцевал на вечеринках в честь освобождения, и тем, кто плакал на похоронах коллаборационистов.

Аннета посветила фонариком на подножие креста. Среди мокрой травы и прошлогодних листьев заметила что-то странное. Букет? Хм, три цветка дикого вереска, перевязанные бечёвкой. Она подняла за кончик верёвки загадочный пучок, оглядела. Интересно, от кого это? Так-то, вереск растёт только на самых вершинах скал. Положила букет назад и разглядела наполовину засыпанную мокрой землёй обычную пианинную клавишу, белую, из дешёвого пластика — такие ставили на инструменты во второй половине двадцатого века.

Аннета наклонилась и подняла деталь, приблизила фонарик. Клавиша оказалась без потёртостей и царапин, словно никогда не касались её руки, а положили сюда совсем недавно. Незадолго до её прихода. Она перевернула находку. На обратной стороне клавиши маркером написано одно слово: «Клэр».

Аннета застыла. Её собственная фамилия!

Холодная капля дождя скатилась по лбу, забралась в глаз, но она даже не моргнула. Ветер над обрывом взвыл с новой силой, и в этом вое и шуме прибое ей на мгновение послышался смех, даже море внизу смеётся над ней. Самоуверенный нанятый детектив, который с лёгкостью раскопает ещё одну семейную тайну, заберёт свой гонорар и вернётся в Париж.

Мёртвые знали её имя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.